GLOBAL CENTRE FOR PLURALISM
CENTRE MONDIAL DU PLURALISME

Депортированные карачаевцы в Кыргызстане: опыт интеграции

Амантур З Жапаров

Апрель 2018 года

I. ВВЕДЕНИЕ

В 1943-1944 годах, когда наметился перелом в пользу Советского Союза в ходе Великой отечественной войны, имела место вынужденная миграция целых народов Северного Кавказа в Среднюю Азию и Казахстан. Это было не добровольное движение, направленное на поиск лучшей жизни, а принудительное переселение в силу сложившихся военно-политических обстоятельств, где свою роль сыграла также субъективная позиция руководства страны во главе с И.В. Сталиным. К числу этих народов относятся и карачаевцы[1], численность которых в Киргизской ССР составила всего 26432 человека.[2] Им пришлось пройти процесс нелегкого испытания, связанного с адаптацией в незнакомой для себя географической и социальной среде. Для многих из них Кыргызстан стал второй родиной. Искусственно созданный негативный стереотипный взгляд о карачаевцах как врагов народа не стал в конечном итоге серьезным барьером включения их в местные общества, несмотря на все трудности гуманитарного, экономического, политико-правового характера. Полноправными гражданами нового независимого Кыргызстана ныне являются чуть менее двух тысяч карачаевцев, которые участвуют в строительстве и развитии страны. Одновременно, они чтут родину своих предков не меньше тех, кто ныне живет в Карачаево-Черкесии.

Актуальность изучения карачаевской диаспоры в Кыргызстане вызвано тем, что данная проблема не достаточно исследована в отечественной исторической науке, хотя и имеются некоторые отдельные исследования. Ш.Ж. Батырбаева рассматривает историко-демографические аспекты депортированных народов Кавказа, в том числе карачайцев в рамках своих трудов *Население Кыргызстана в 20-50-е годы XX века* (Шайыркуль Батырбаева (2003), Бишкек), *Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении* (Шайыркуль Батырбаева (2010), Москва, РОССПЭН)[3]. Автор отмечает недоступность немаловажных источников для широкого круга исследователей несмотря на снятие засекреченности архивных материалов в 1958 г. Указывая на имевшиеся проблемы в выяснении демографических потерь в

Эта исследовательская работа является частью новой серии публикаций «**Глобальные мнения о плюрализме**» проекта **Глобального центра плюрализма.** Эти семь работ были написаны в 2016 году в рамках проекта «**История и память в Кыргызстане – на пути к инклюзивному обществу**», направленного на поддержание местных исследователей. В каждом исследовании изучен аспект истории Кыргызстана как многообразного общества с целью повышения осведомленности в Кыргызстане о важности развития более инклюзивных исторических повествований для продвижения плюрализма.

годы войны, Ш.Ж. Батырбаева считает, что проведение соответствующего исследования вскрыло бы в ходе анализа миграционных процессов военного времени необоснованность депортации целых народов. Небольшая книга Д.Ш. Кызаевой, Т.Д. Доценко, С.И. Бегалиева *Архивные документы свидетельствуют* (1995) была опубликована в рамках программы «Трансформации гуманитарного образования» при поддержке Фонда Сороса-Кыргызстан и Министерства образования и науки Кыргызской Республики.[4] В книге рассматриваются процесс депортации, обустройства и дальнейшая судьба депортированных народов. Эти и другие вопросы нашли отражение в книге С. Бегалиева, Ж. Сулайманова *Депортированные народы Кавказа в Кыргызстане. Размышления «по рельсам судьбы»* (2012).[5] В этих работах делается заключение о том, что истинные причины массовой депортации следует искать в самой сути тоталитарного режима Советского государства, а не только в мотивах и «злой воле» Сталина. Авторы делают вывод, что никакие режимы, запреты, комендантские надзоры не смогли создать барьер между простыми людьми Кыргызстана и переселенцами.

В двух монографиях Л.Н. Дьяченко: *Из истории депортированных народов Кавказа в Кыргызстан* (2010) и *Депортированные народы на территории Кыргызстана* (2013), на основе архивных и других материалов исследованы цели депортации, процессы размещения, первичной адаптации, реабилитации и возвращения на историческую родину.[6] Основной ошибкой руководства СССР была, как отмечает автор, реанимация принципов «круговой поруки», когда за преступление отдельных граждан страдал весь этнос. Это привело к порождению и воспроизводству чувства этнической обиды, которое во многих случаях становилось одним из основных принципов этнической идентичности. По мнению Л.Н. Дьяченко, налаживание коммуникации депортированных народов с этнически и культурно иным населением осуществлялось через официальные государственно-идеологические каналы (образовательные учреждения, торгово-предпринимательская деятельность, властные структуры, производство). К истории депортированных народов обратились в своих статьях А.И. Тетуев, Г.Дж. Джунушалиева и др. (Алим Тетуев (2014), «Карачаево-балкарская диаспора в странах Центральной Азии», *Вопросы истории*, 2014. №11) Архивные документы о размещении и устройстве по районам, областям, а также другие данные систематизированы и опубликованы в виде сборника, ответственными редакторами которого являются В.М. Плоских и М.К. Имакеева (*Депортированные народы Кавказа в Кыргызстане* 2010).[7]

Как видим, список научных публикаций заметно расширился в постсоветские годы, где нашли отражение многие аспекты по изучению судеб депортированных кавказцев. Публицистические и популярные работы, рассчитанные на широкий круг читателей, стали печататься, начиная с конца 1980-х годов. Однако, в перечисленных научных трудах история переселенных в Кыргызстан карачаевцев рассматривается в основном попутно и носит фрагментарный характер. Между тем повседневная жизнь, опыт интеграции переселенцев и их потомков с представителями других народов, гражданским обществом в целом ждут своих исследователей и экспертов.

Появление депортированных народов на территории республики изменило этнокультурную мозаику. В какой степени государственные органы, общество оказались готовыми сделать реальные шаги, направленные на интегрирование новых этнических меньшинств? Какую траекторию жизни прошли сами первые спецпереселенцы и их дети, которые являлись, а другая часть продолжает оставаться, гражданами Кыргызстана? Можно ли считать что они включены в социально-экономическую, политическую, культурную жизнь

республики и не чувствуют себя «чужими»? Для нас, впрочем, и для государственных структур и общества в целом важно получить ответы на такие вопросы. Помимо прочего, это может способствовать сохранению у людей, как у местного населения, так и у депортированных исторической и социальной памяти. В целом, как мы считаем, карачаевцы сумели успешно интегрироваться в кыргызстанское общество благодаря труду и таким общенациональным качествам как терпимость, открытость и дружелюбность по отношению к населению Кыргызстана.[8]

II. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Мною были использованы как стационарные (длительное нахождение), так и маршрутные (непродолжительные остановки) методы полевой этнографической работы в местах компактного расселения карачаевцев (с. Садовое, Маловодное, Нижне-Чуйское, Орловка, Буденовка, г. Бишкек, Кант). Проведены продолжительные беседы со старожилами и представителями молодого поколения, а также ряд интервью с работниками и волонтерами Международной ассоциации карачаевцев «Ата-Джурт». Общее количество интервьюеров составило 28 человек разного возраста, пола, социального положения. Из них 9 информаторов родились до переселения в Кыргызстан, 3 человека являются общественными деятелями, депутатами местных кенешей, фермеров – 7, работников сферы культуры и образования – 5, сотрудников аппарата сельских управ и кооперативного хозяйства – 4. В процессе полевого исследования я пытался установить доверительную атмосферу для того, чтобы получить как можно больше информации. В ходе бесед, анализа материалов стремился не оказаться в плену чувств, эмоций, что могло бы сказаться на результатах моего исследования. Применение методов устной истории и включенного наблюдения стали важной методологической основой в раскрытии исследуемой темы. Выявление архивных документов из Центрального государственного архива Кыргызской Республики, Центрального государственного архива политической документации Кыргызской Республики было немаловажной частью работы в данном исследовании. Материалы, опубликованные на страницах газет и журналов, сайтах информационных агентств, стали, наряду с прочими, ценными источниками.

В теоретическом плане интересно проследить процесс включения частей в единое целое. Карачаевское общество, для которого всегда было характерно относительно устойчивое сохранение народных традиций, отличалось преобладанием коллективного сознания. Отдельный индивид находится в зависимости от общества, рассматривая себя как орган организма, о чем писал Э. Дюркгейм.[9] Восприятие и принятие норм и правил общества со стороны людей, которые хотят интегрироваться – подход, предложенный И. Валлерстайном – является важным в этом исследовании.[10] Указанные положения могут способствовать анализу процесса включения депортированных карачаевцев в местную жизнь. В раскрытии темы исследования трудно обойтись без проблемы о диаспоре и ее перспективах. Здесь применимы теоретические разработки Уильяма Сафрана, Валерия Тишкова и других ученых.[11]

III. ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ДИАСПОРЫ

В последние годы политики перестройки в СССР повсеместно наблюдался повышенный интерес к

историческому прошлому. Многие стали изучать этнические проблемы и историко-культурное прошлое своего народа. У людей появилось желание узнать больше о своих генеалогических корнях. Именно к концу 1980-х, началу 1990-х годов относится целый ряд публикаций о народах Северного Кавказа, депортированных в Кыргызстан в годы Великой отечественной войны.

Публицистические материалы на страницах журнала *Литературный Киргизстан*, газетные статьи оказали заметное влияние на национальное самосознание карачаевцев. Обращение к коллективной памяти прошлого, связанной с трудностями и лишениями в ходе принудительного выселения и устройства в новой среде, служило важным фактором в развитии чувства единства представителей этого народа. В них подчеркивались твёрдость характера переселенцев, трудолюбие, толерантность и другие положительные качества, способствующие их включению в социально-политическую жизнь Кыргызстана, ставшего для них поистине второй родиной. Естественно, не все карачаевцы читали статьи о недалеком прошлом своего народа, но коммуникация с пожилыми представителями и местными лидерами диаспоры способствовали формированию у них определенных знаний о прошлом соотечественников. О таких публикациях рассказывали известные люди, представляющие элиту карачаевской диаспоры. К ним, в частности, следует отнести общественных деятелей и ученых Б.Гогаева, Б.Кубаева, А.Боташова, Шидакова и других, которые говорили об этом на различных общественных мероприятиях и ритуалах карачаевцев.[12] Некоторые примеры, из прошлой жизни, характеризующие дружественные межэтнические отношения, нашли отражение также в статьях и заметках представителей других этнические групп.

Появление в годы перестройки различных организаций и движений по поддержке соотечественников за рубежом и их деятельность, направленная на сохранение и развитие национальных языков, традиций и обрядов, оказали существенное влияние на рост этнической идентичности диаспоральных сообществ. В этой связи нужно согласиться с утверждением А.Кайя о том, что культура – это не только наследие, но и политическая стратегия.[13] К примеру, в конце 1980-х годов в США Американская карачаевская благотворительная организация была создана с целью сохранения и развития культуры в условиях интеграции диаспоры в американское общество.[14]

Некоторые организации активно выступали в защиту соотечественников, желающих вернуться на историческую родину. К примеру, вопрос о репатриации ставился на заседаниях организации «Адыге хасэ» и на съезде Ассамблеи горских народов Кавказа, созванном в октябре 1990 г. в Сухуми. На этих заседаниях отмечалось: «А в случае с депортированными народами Северного Кавказа по инициативе людей, представляющих элиту, высшим государственным органам страны ставился вопрос полностью реабилитировать их политически».[15]

Известным российским ученым В. А. Тишковым ставится вопрос о слабой изученности черкесской диаспоры, что методологически имеет отношение и к нашей теме. Он пишет: «…но есть основание полагать, что в ряде стран эта часть переселенцев (черкессы-прим.авт.) осознавала и вела себя как диаспора: действовали ассоциации, политические объединения, существовали печатные органы и солидарные связи, предпринимались направленные меры по сохранению культуры и языка».[16]

Можно ли считать диаспору карачаевцев в Кыргызстане реальной, и как они воспринимают историческую родину? Думаю, что ответ на этот вопрос может способствовать пониманию того, в какой степени карачаевцы интегрированы в кыргызское общество, а также того, как они

ассоциируют себя с исторической родиной. Очевидно, для старшего поколения, испытавшего принудительное выселение, и их потомков, детство которых происходило на Северном Кавказе, этот регион оставался всегда святым. Абсолютное большинство из них не могли не чувствовать эмоциональную близость с родиной предков, всякий раз, когда речь заходила о ней, или мысленно представляли достоинства края. Они в полном смысле слова тосковали по горам, речкам, долинам, где они раньше проживали и творили. Такое состояние души обусловлено исторической памятью, сохранением и почитанием традиций предков, вековыми социальными ценностями народа. Как пишет Дж.Рахаев,

Этническое самосознание народов Северного Кавказа сфокусировано вокруг значимых для них символов. Главный среди них – особое, сакрализованное отношение к территории своего традиционного обитания: сокращение этой территории, а тем более изгнание из Отечества, вызывает состояние «культурной травмы». Соответственно, принудительная массовая миграция в Центральную Азию в этническом самосознании карачаевцев и балкарцев отразилась как трагическое событие, связанное с попыткой полного физического уничтожения.[17]

Попутно отметим, что в истории кыргызов имелись события, приведшие к вынужденной миграции и определенному психологическому надлому, травмирующему сознание людей. Это относится, в частности, к памирским кыргызам в Турции, локальные нарративы которых стали неизменной частью их идентичности, как утверждают Ч. Турдалиева и А. Марат в «Диаспоре памирских кыргызов в Турции» (2015).[18] Из истории региона известно, миграция кыргызов в начале XX века за пределы своей родины имела вынужденный характер. Это относится как к бегству кыргызов в Китай в результате восстания 1916 г., получившего название *үркүн*, так и в период коллективизации. Если в первом случае люди спасали свою жизнь от карательных действий царской власти, то во-втором – некоторые представители народа не хотели мириться с репрессивной политикой молодого советского государства, связанной, в частности, с экспроприяцией средств производства.

Сосланные в Среднюю Азию и Казахстан карачаевцы, во времена Советского Союза, «не пересекали государственную границу, передвигаясь внутри страны. Подобная миграция определялась как внутренняя не только юридически и политически, но и воспринималась так психологически».[19] В советское время историческая родина не отличалась проведением политики поддержки оставшихся выходцев из Кавказа в республиках, где они были приняты. Такой необходимости и не возникало. Тогда вплоть до распада Советского Союза карачаевская община чувствовала себя как граждане одной страны вместе с жителями исторической родины. Перед ними не стоял вопрос, кем приходятся друг другу близкие родственники, проживающие в Кыргызстане и на Кавказе в плане гражданской идентичности. Все они были гражданами СССР, несмотря на существование статуса союзной и автономной республик. Карачаевцы-кыргызстанцы продолжали быть включенными в социо-культурную, политическую жизнь. Превращение в интегральную часть происходило в органической форме. Фактор связи с советской политической системой сыграл здесь свою роль. В условиях государственного патернализма граждане всей страны, где бы они не находились, особо не беспокоились о своем будущем, хотя спецпереселенцы могли тосковать по местам, где они родились и выросли. В период правления Н.Хрущева, 9 января 1957 г. Верховный Совет СССР принял решение о восстановлении Карачаево-Черкесской автономной области. Возвращение административно-политического статуса и разрешение вернуться на свою родину резко увеличили поток возвращенцев.

В целом из республики выехало 35790 бывших спецпереселенцев северокавказцев.[20] Тем не менее, они, как и местное население, являлись членами одного государства.

Иная картина стала складываться в результате распада СССР. Появились новые независимые государства на базе бывших союзных республик. Пересекать границы этих стран беспрепятственно, как раньше, во многих случаях уже стало невозможным. Вход на территорию соседней республики только после выполнения определенных бюрократических процедур и тем более тщательного таможенного осмотра люди раньше представить себе не могли. Граждане одной большой страны стали по отношению друг другу уже иностранцами. Таким образом, с передвижением границ, немало этнических групп оказалось за границей своих исторических родин. Именно этот фактор сыграл определяющую роль в употреблении термина диаспора. К выбору страны «исхода» в качестве родины в определенной степени подтолкнули политика отдельных государств, направленная на поощрение репатриации с облегченными процедурами оформления документов, и предоставление возможности обустроиться. Так, например, выступая на III Всемирном конгрессе соотечественников, организованной Международным информационным форумом «Интеграция соотечественников» в 2009 г., тогдашний Президент России Д. А. Медведев сказал: «Мы не гонимся за числами. Гораздо важнее уверенность всех, кто оказался вне России, в том, что они могут вернуться на родину и государство их поддержит».[21]

Карачаевцы, переселенные в Кыргызстан, и их дети, оставшиеся жить в этой республике, сегодня стали интегральной частью поликультурного общества. Определенная обособленность, связанная с этнической идентичностью и культурой, не может препятствовать им, быть включенными в социально-экономическую, культурную и политическую жизнь страны. В результате тесного обмена, который происходит уже в течении многих десятилетий, их многообразная жизнедеятельность стала реальностью. Карачаевцы заимствовали у кыргызов, русских, узбеков, казахов, дунган некоторые передовые методы хозяйства. В свою очередь сами депортированные карачаевцы распространяли рациональные способы в сфере животноводства, обеспечивающие высокую рентабельность. Такой опыт был полезен местному населению.

Важно отметить то, что диаспора карачаевцев уже имеет солидный опыт взаимодействия и сотрудничества в поликультурной среде Кыргызстана. Им, родной язык которых относится к тюрко-алтайской семье, удалось вполне успешно интегрироваться не только с кыргызами, узбеками, но и с русскими, украинцами, дунганами, языки которых относятся к совсем другим филиациям. Кыргызы были рады обмениваться с ними терминами на своем языке, пытаясь иногда запомнить слова и выражения, обозначающие определенные вещи и действия. В качестве примера приведу лишь термин «*ана сүтү*» (молоко матери), связанный со свадебным обрядом. У кыргызов это называется «*эне сүтү*». Правда русский язык, с помощью которого народы бывшего СССР могли разговаривать, обмениваться в письменной форме, занимал не менее значимое место в установлении и расширении межэтнических связей.

Среди карачаевской общины существует память или миф о «первородине» по У. Сафрану, который сохраняется посредством устных рассказов и визуальных средств. Такой памятью обладают и немалая часть молодого поколения, хотя истинной родиной для них стал Кыргызстан, где они родились и выросли, получили образование. Нынешняя молодежь и дети школьного возраста

имеют представление о родине предков благодаря редким поездкам на Северный Кавказ, книгам, фотографиям и видеоматериалам, устным рассказам, а также воображению, на основе полученной информацию. Трансмиссия народной культуры, передача информации об отчизне молодому поколению, сохранение языка являются, в числе других факторов, базовыми в закреплении этнической идентичности и формировании чувства связи с родиной.[22] Трудно сказать, имеются ли примеры, связанные по выражению В. Тишкова, с «узурпацией самосознания». Тем не менее, на мой взгляд, в условиях доминирования коллективного сознания в гомогенной микросреде наследование этнической идентичности происходит без особых колебаний. Но, в то же самое время в семьях, возникших на основе межэтнических браков, такой вопрос возникает и иногда вызывает определенную этно-психологическую флуктуацию. Мне не встретились случаи, связанные со сменой идентичности в целях использования для своих выгод в зависимости от конъюнктуры. Представление о родине как месте неизбежного возвращения было характерно для абсолютного большинства депортированных карачаевцев в течении 40-х-50 –х годов XX века. Как об этом вспоминают, не было взрослого карачаевца, который бы не повторял «Я знаю: мы вернемся».[23] Однако, когда появилась возможность на законной основе возвратиться на историческую родину, часть спецпереселенцев все же решили остаться на вновь обретенной родине. К этому времени они сумели успешно адаптироваться к условиям принимавшей республики. Если одни из таких людей не хотели начинать все сначала и испытывать пройденную трудность хозяйственно-бытового устройства теперь уже на своей земле, то другие не хотели оставлять могилу предков как завещали предки.[24] Считая определяющим фактором удобство для жизни семьи, я склонен не принижать значение чувства привязанности к местным людям, природно-географической среде, организациям и предприятиям, где они трудились. За более, чем десять лет проживания, они успели неплохо интегрироваться в общество, устанавили прочные социальные контакты. Они стали рассматривать окружающее пространство как свое и причислять себя к полноправным членам общества, а не «врагам народа». Не случайно, некоторые люди из числа переселенцев в тот момент сделали очень трудный, но, по их мнению, правильный выбор в пользу Кыргызстана как места постоянного жительства для семьи. Здесь было немало авторитетных людей, заслуживших реальное уважительное отношение со стороны сородичей. Решение остаться в принявшей стране нужно квалифицировать как довольно смелый шаг, поскольку в условиях господства общинного сознания непросто было отказаться от призыва большинства. Эмпирические материалы свидетельствуют о том, что у карачаевцев не возникало мысли о неприятии новой страной. У них, за исключением редких случаев, не появлялось чувство отчужденности.

Таким образом, условный треугольник «диаспора – родина – принимающая страна» в контексте изучаемой нами темы стал реальностью только после распада Советского Союза. Они имеют между собой устойчивую взаимосвязь благодаря активной деятельности политических институтов и лидеров диаспоры. Однако, для того чтобы лучше узнать указанное этническое меньшинство, следует обратиться к прошлому.

IV. ДЕПОРТАЦИЯ И РАЗМЕШЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ: ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Одним из представителей народов Северного Кавказа, проживающих на территории современного Кыргызстана, являются карачаевцы,

оказавшиеся здесь в результате насильственного переселения в годы Великой отечественной войны. Карачаевцы вынуждены были считаться с постановлением Совета народных комиссаров от 14 октября 1943 г., связанным с административно-политическим устройством и принудительным переселением местного населения на территорию других республик союзного государства. Их автономные образования были ликвидированы, раздроблены на части и переданы в состав соседних республик и областей.[25]

Довольно интересными представляются воспоминания старшего поколения ссыльных о том, что из происходящего вокруг на малой родине им пришлось почувствовать и увидеть в тот момент, когда они собирались в дальний путь против своей воли. В памяти людей это состояние запечатлелось так, как в реквиеме И. Кочкарова: «… в момент депортации выли собаки, ржали кони, тучи сгустились над Карачаем. Казалось небесные силы не позволят совершиться неслыханному насилию и произволу. Но безумие победило. … Даже горы впервые в своей истории опустили головы, стесняясь слез, катающихся по их сединам».[26] Вероятно день высылки, когда людям пришлось под наблюдением и в течении отведенного короткого временного отрезка быть готовыми к отъезду, оставался одним из самых тяжелых, и в то же время лучше сохраненных в памяти переселенцев. Через устные рассказы очевидцев, то, что происходило вокруг в этот день, передавалось детям и внукам. В представлении самих носителей такой информации сама природа, разводимые ими животные были разочарованы несправедливым решением, искренне переживали за исконных жителей Верхней и Нижней Теберды, Уч-Кулана и других мест Карачаево-Черкесии.

Потеря родных и близких по дороге, а также на начальном этапе освоения нового географического и социального пространства не могли не оказать отрицательное воздействие на их психологическое состояние. Они чувствовали себя униженными и оскорбленными, когда о них говорили как о врагах народа. Потому что все знали, что карачаевцы воевали на разных фронтах с фашистами, наряду с другими народами СССР. «В годы Великой Отечественной войны свыше 20 тыс. карачаевцев призвали на фронт. Пятнадцать тысяч из них были удостоены боевых наград, а 35 воинов – представлены к высокому званию Героя Советского Союза. Женщины и дети ударно трудились в тылу. В фонд обороны с 1941-го по 1943 год жители Карачаево-Черкесии передали более 52 млн. Рублей».[27] Попутно отметим, что «депортация привела к запрету упоминания о боевых заслугах представителей сосланных народов на различных фронтах войны в средствах массовой информации.»[28]

В то же время из представителей этого народа были люди, которые шли на сотрудничество с врагами, которых осуждали в обществе. На сговор с оккупационным режимом шли и некоторые русские, украинцы, белорусы, латыши, азербайджанцы, грузины, выходцы из Центральной Азии и др. В годы Второй мировой войны в военных и вспомогательных структурах национал-социалистической Германии несли службу почти 1,2 млн. советских граждан. Согласно немецким источникам карачаевцев среди таковых оказалось 270 человек.[29]

Совнарком СССР в принятом постановлении предусмотрел предоставить спецпереселенцам возможность построить в 1943-1944 гг. глинобитные дома из местных материалов и приспособить имеющиеся на месте пустующие и требующие ремонта постройки для жилья. Согласно документу Сельхозбанк должен был выдать кредит нуждающимся спецпереселенцам в пределах 5000 рублей на семью сроком до 7 лет.[30] В целях реализации поставленных задач союзным центром, Совнарком Киргизской ССР и ЦК КП(б) Киргизии принял Постановление

«О расселении спецпереселенцев по районам Фрунзенской области». В ней утверждался план расселения спецпереселенцев по колхозам и совхозам данной области и ставились задачи перед республиканскими, областными, районными органами провести комплекс организационных работ по принятию и размещению прибывших и созданию для них приемлемых бытовых условий. Районным тройкам, включающим председателей райисполкомов, начальников РО НКВД и первых секретарей райкомов партии, возлагалось подготовить помещения для расселения, заготовить топливо на 15 дней, мобилизовать гужавтотранспорт для перевозки прибывающих спецпереселенцев до места распределения. Наркомздрав должен был организовать медобслуживание в пунктах разгрузки эшелонов, а Кирпотребсоюз – чай для спецпереселенцев во время их прибытия.[31]

Несмотря на эти мероприятия по обустройству переселенцев, размещение депортированных переселенцев оставалось большой проблемой , так как не хватало жилья. Из 1445 семей спецпереселенцев в Сталинском районе своим жильем к концу 1944 г. были обеспечены только 171 семья. Остальные жили в домах колхозников за счет уплотнения и в общественных постройках (сараях, амбарах, на бригадных базах и т.д) колхозов. Немало семей продолжало жить в палатках.[32] Холод и антисанитарные условия, помимо других, стали причинами болезни людей.

Республиканскими, областными органами были приняты постановления, направленные на оказание помощи переселенцам в хозяйственно-бытовом устройстве, выделение земельных участков под строительство домов и огорода, приобретение и строительство жилья, предоставление продовольственного пайка, выдача скота и обеспечение топливом и кормами. Это говорит о том, что в Киргизской ССР проводилась государственная политика по содействию переселенцам в их адаптации в новой среде. Однако не всегда удавалось четко и последовательно выполнять принятые решения. Иногда средства, предусмотренные на хозяйственно-бытовое устройство спецпереселенцев, использовались не по назначению. Факты нецелевого использования ресурсов выявлялись в ходе проверок и докладывались в соответствующие властные структуры Киргизской ССР. Несмотря на предпринятые меры по устранению таких негативных явлений, усилия официальных властей не всегда были эффективными. К ноябрю 1944 г. в Сталинском районе было куплено всего 103 дома на сумму 466 тыс. рублей, средняя стоимость одного дома составляла 4525 рублей. Спецпереселенцам было передано 107 бесхозных домов, из которых 39 не были годными для жилья. Отмечались факты растранжиривания и расхищения продовольственного пайка. К примеру, председатель колхоза «Красный Октябрь» Ливенцов не додал спецпереселенцам 1085 кг зерна … и свободно выехал за пределы Киргизской ССР.[33] По данным спецкомендатуры Сталинского района в его пределах насчитывалось 1400 семей спецпереселенцев. 1018 семей были обеспечены скотом в рамках программы их поддержки. К этому времени скота в районе не хватало 300-400 семьям.[34]

В докладной записке на имя секретаря Фрунзенского обкома ЦК КП(б) Киргизии Б.Мамбетова от 30 января 1945 г. указывалось на то, что массово-политическая работа вокруг обзаведения хозяйством и укрепления на новых местах населения поставлена плохо. До сих пор отдельные переселенцы имеют чемоданное настроение и как результат не хотят хозяйственно укрепиться.[35]

Карачаевцы, размещенные в Таласской долине жили не лучше своих сородичей во Фрунзенской области. Архивные материалы свидетельствуют

о плохих жилищно-бытовых условиях, большой скученности. Райисполком, райздравотдел, органы НКВД не оказались готовыми принять спецпереселенцев и мобилизовать все силы на ликвидацию эпидемии болезни.[36] Такая участь постигла и других депортированных народов Северного Кавказа. В докладной записке Уполномоченного ЦК КП(б) Киргизии Секретарю ЦК КП(б) А.Вагову о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев в районах Таласской долины от 13 июня 1944 г. отмечалось преступное отношение к распределению и выдаче спецфондов спецпереселенцам с конкретными примерами. Одновременно автор записки сообщил о хороших руководителях колхозов, проявивших исключительную заботу о трудовом устройстве спецпереселенцев. В таких хозяйствах проверкой установлено, что все спецпереселенцы «обеспечены свободной площадью жилья, обеспечены огородами, которые хорошо обрабатываются, организованы детские сады, оказывается помощь питанием, все спецпереселенцы за исключением некоторых больных … работают на колхозном производстве наравне с местными колхозниками».[37]

В специальном сообщении Наркома внутренних дел Киргизской ССР Председателю Совнаркома Киргизской ССР Т. Кулатову о результатах выборочной проверки состояния хозяйственно-трудового и материально-бытового устройства спецпереселенцев были приведены следующие примеры нецелевого использования. Директор Васильевского совхоза Фрунзенской области имеющиеся 45 кб. метров леса для жилстроительства спецпереселенцам использовал на нужды совхоза. Директор завода №60 Тарасенко весь лес, предназначенный для строительства спецпереселенцам и находящийся на складах совхоза, перевез на завод. В другом примере, из полученного леса на оборудование спецгородка для размещения спецпереселенцев управляющий Киргосстроя Безель 87 кбм. использовал на строительство стадиона, чайханы и госцирка в г. Фрунзе.[38]

Нередко средства перенаправлялись на ремонт общественных зданий и точек социально-бытового назначения. Следует при этом сказать, что нецелевое использование предусмотренных финансовых и материальных ресурсов имело место независимо от того как относились к ссыльным. Нужно отметить также о допускавшихся случаях несправедливого отношения к спецпереселенцам, работающим в сельском хозяйстве, со стороны руководителей хозяйств и органов государственной власти на местах. Так, например, председатель колхоза им. Ярославского Панфиловского района не давал подводы для перевозки муки для переселенцев, горячей пищи работающим в поле переселенцам, а русским, работающим на этом же поле горячую пищу давал. Правление колхоза «Курпульдек» выселяло переселенцев из домов колхозников, колхозникам киргизам выдавало молоко, а переселенцам отказывало.[39]

Райисполком Сталинского района недостаточно рационально занимался выделением приусадебных участков спецпереселенцам. Огороды, полученные выходцами из Кавказа, располагались на поле, где нельзя было строить индивидуальные дома. Большинству обладателей таких участков не удавались их обрабатывать, так как сами они этого сделать не могли, а колхозы не оказывали им своевременную помощь во вспашке. К тому же в первое время проживания на новом месте многие колхозники болели. Инвалид Великой Отечественной войны II группы Ильясов не сумел оформить пенсию, несмотря на неоднократное обращение в райсобес. Руководитель этого государственного учреждения явно завысил свои полномочия, посчитав что спецпереселенцам-инвалидам отечественной войны, прибывшим до 1944 г., выплачивать пенсии не будет.[40]

Как видим, на местах нередко нарушались

принятые решения, а порой попросту игнорировались. В результате подхода с двойными стандартами ущемлялись права депортированных людей, что воспринималось последними болезненно. Многие из них считали, что такое отношение руководители допускают, принимая во внимание этническую принадлежность переселенцев, обвиненных в предательстве интересов государства. Политика двойных стандартов возможно и явилась тем барьером, который затруднил интеграцию карачаевцев в период войны, и они продолжали чувствовать себя второсортными гражданами советского народа.

Массовое переселение на «чужбину» привело к потере человеческих ресурсов. Многие люди, которых везли в товарных вагонах, умерли по дороге. Люди погибали не только от голода. По мнению нескольких информаторов, перемена климата и неспособность быстрой адаптации к новым природно-климатическим условиям является основной причиной гибели многих переселенцев. Перепад температуры вызвал тяжелейший и массовый взрыв простудных заболеваний.[41] В те годы нехватку пищи испытывали и местные жители. Тем не менее, они нередко делились хлебом, молоком и другими продуктами. А в семьях, куда были подселены карачаевские семьи, заботливая опека стала нормой. Так, в частности в колхозе «Путь коммунизма» семья Семенова Тильмека из Верхней Теберды были подселены в семью Захара Митина, в хозяйстве которого имелась одна дойная корова. Супруга хозяина делала так, чтобы молока доставалась всем поровну, в том числе членам подселенной семьи, которые в свою очередь помогали в домашнем хозяйстве. 76 летняя Тамара Тебуева (2016) из Сокулукского района, 7 августа тепло отзывалась о бабушке кыргызке, которая всегда угощала ее в её детские годы. Семьи Жаманкула, Орусбия, Аманкула которые проживали в селе Маловодное указанного района не оставались равнодушными к судьбе новых односельчан-выходцев из Северного Кавказа и старались делиться всем: зерном, продуктами и т.д., хотя им самим тоже было трудно. Возможно здесь имеет место определенная идеализация взаимоотношений карачаевцев с местными людьми, о чем с тёплыми чувствами и ностальгией воспоминают сами информаторы.

По воспоминаниям информаторов, местные кыргызы проявляли подобное гостеприимство весьма часто. Об этом же можно сказать и об узбеках, украинцах и представителях других национальностей, сравнительно издавна проживающих в Кыргызстане. А.Кубадаев вспоминал о том, что его детство пришлось на годы войны. Были голодными. Но, несмотря на всеобщий голод, кыргызы приняли с раскрытыми руками переселенных сюда балкарцев, карачаевцев. Стали с ними очень близкими, породнились. Не встречалось случая, когда кто-нибудь указывал на национальность другого, задевая его чувства.[42]

V. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К МЕСТНЫМ УСЛОВИЯМ

Карачаевцам, депортированным в 1943 году в Кыргызстан, пришлось пройти процесс нелегкого испытания, связанного с адаптацией на незнакомой для себя географической и социальной среде. Приспособление к сложившимся новым условиям осложнялось под влиянием как экономических, так и политико-правовых факторов. Образ «врагов народа», который сложился ещё до их переселения, не мог не отражаться на их моральном состоянии, а также в отношениях с органами государственной власти и местным населением.

Автор одной публикации вспоминает: «В первое время после пребывания спецпереселенцев не все местные люди были рады их появлению. Местные жители, особенно из числа сельской

интеллигенции опасливо и старательно обходили. Сторонились, в контакт не вступали».[43]

Некоторые спецпереселенцы, уже испытавшие психологическую травму в связи с насильственной депортацией, болезненно, близко к сердцу воспринимали недоброжелательное отношение к ним. Примерно такое отношение запечатлелось в памяти другого человека: «… ко мне, как и ко всем переселенцам, кое-кто относился предвзято, угнетали физически и морально, оскорбляли человеческое достоинство», пишет он в газетной заметке.[44]

Однако, чувства настороженности довольно быстро стали уступать дружелюбности и гостеприимности. Искусственно созданный негативный образ и стереотипный взгляд все-таки не стал серьезным барьером для кыргызов и других народов, проживающих в Киргизской ССР, которые проявляли к переселенцам доброжелательность и гостеприимность. Бывали случаи, когда на воспитании местной семьи находились дети кавказцев, среди которых встречались и карачаевцы, которые с благодарностью вспоминают о людях, опекавших их в самые сложные годы в жизни депортированных.[45] В свою очередь карачаевцы добивались устанавливать теплые отношение с местным населением, вносили посильный вклад в развитие экономики и культуры.

В облегчении процесса адаптации депортированных значимое место принадлежит сочувствию со стороны местных жителей к их судьбам. Они не ограничивались лишь внешними проявлениями добродушия, а делали дружеские жесты, направленные на их поддержку в период серьёзного жизненного испытания. Об этом свидетельствует множество примеров. Так, многие делились продуктами питания, что не хватало и самим. Дарили украдкой старую одежду, угощали свежими лепешками, делились картофелем. Местная женщина по имени Черноголова однажды подбросила к порогу карачаевской семьи кучу одежды, которую можно было ещё носить. При этом она сделала это тайком, чтобы ненароком не обидеть их.[46]

Несмотря на то, что близкие родственники могли быть разделены по разным вагонам и составам, а также при распределении по районам, им все же удалось заселиться компактно, что соответствовало вековым традициям их предков. Здесь руководствовались принципом патрономического расселения близких родственников, который был характерен для Большого Карачая XIX-начала XX веков.[47] Для обозначения такого типа расселения используют термин *тийре*. Для карачаевской диаспоры такой тип расселения, вероятно, был, очень значим, особенно в процессе приспособления к условиям на новом месте в трудные военные и послевоенные годы.

Процесс адаптации в сельской местности проходил быстрее, чем на строительстве промышленных объектов. И это было в значительной степени обусловлено особенностью хозяйственно-культурной традиции и социальной организации этого народа.[48] Как и другие переселенные народы из Северного Кавказа, карачаевцы чувствовали себе более комфортно, когда они находились вместе в виде общин. Этот фактор положительно отражался не только на их настроениях, но и на производительности труда. Дети, распространенные от одной ветви, проживающие на одном месте, по соседству составляя социальную общность, имели возможность поддерживать тесные экономические связи. Они совместно пользовались орудиями труда, тягловой силой, предметами утвари, оказывали друг другу помощь в выполнении трудоемких работ. В круглогодичном производственном цикле скотоводов, сезонных работах в земледелии и садоводстве часто использовалась форма организации коллективного труда, получившая

название *кош нёгерлик*, где все члены такого объединения имели одинаковые права и обязанности. Она была адаптирована к условиям ведения хозяйства на территории вдали от исторической родины, и в рамках колхозов и совхозов.

Профессиональные навыки, знание, умелые руки, примененные на практике, следовало бы считать важным механизмом в повышении социального статуса, сравнительно быстрой интеграции в новое общество. Кузнецы, столяры, учителя, врачи, народные лекари из числа карачаевцев занимали такое же высокое социальное положение, как и другие. Профессор О.Сагынбаев, который вырос в своем селе Кош-Добо бок о бок с детьми карачаевских переселенцев и легко овладевший этим языком, тепло вспоминал врача-хирурга Текеева Падча, обожаемого всеми пациентами. Чуткие руки этого доброго человека автор воспоминаний всегда помнил в связи с собственным опытом, когда хирург лечил его сломанные ребра.[49] Приведем другой пример. По информации Рамазана Узденова 1933 г. рождения, инженера по профессии, жителя села Садовое, его отец Узден, работавший плотником колхоза, каждый день брички ремонтировал, делал колыбели, шкафы по заказу людей. Кроме того, его знали как опытного травматолога, помогающего людям при переломах, вывихах. Все местные пациенты обращалось к нему. Они ездили и в далекую кошару, в период, когда он жил там.

С.Бегалиев, отмечая массовые потери спецпереселенцев как следствие высокой смертности, обратил свое внимание на сравнительно лучшие показатели карачаевцев, балкарцев и турков, чем у чеченцев и ингушей. И это несмотря на одинаковое отношение ко всем ссыльным. По его мнению, возможно большую роль сыграл языковой фактор. «Карачаевский … близок кыргызскому языку. Поэтому уже один этот фактор – общность языка – способствовал более тесному контакту с местным населением. Да и ссылка переносилась легче… Карачаевец или балкарец мог поделиться своим горем – язык то понятный. Он видел, что его понимают и сочувствуют. А это давало какое-то облегчение, а моральная и духовная поддержка уже давала шанс на оптимизм и выживание».[50] В то же время не владеющие русским языком испытывали трудности в местах, где им приходилось жить по соседству и работать со славянским населением, в частности с русскими, украинцами и др. Языковой барьер оказал влияние и на психологическое состояние людей.

Исламская вера оказалась ещё одним смягчающим фактором, положительно влияющим на процесс приспособления ссыльных к новой среде. Кыргызы, убедившись в том, что депортированные выходцы из Северного Кавказа считали себя мусульманами и многие исправно соблюдали предписания исламской религии, стали еще более терпимыми и доброжелательными и проявляли солидарность. Об этом, в частности, говорил депутат местного совета сельской управы Кызыл-Туу, карачаевец Идрис, по информации которого кыргызы, увидев, как переселенцы ходят с кумганом воды для омовения и читают пятикратный намаз, стали ещё ближе.

Эффективным путем быстрой адаптации было полное погружение в трудовую деятельность производственных коллективов. Таким образом, многие освобождались хоть на время работы от неприятных воспоминаний, которые трудно было выбросить из головы. Многие депортированные карачаевцы проявляли высокую степень усердного отношения к своим обязанностям. В результате ударного труда, им часто удавалось перевыполнять план. Причем, стоит попутно заметить, таких результатов добивались и те, для которых специфика работы была малознакомой. Это относится, в частности, к горнорудному делу, выращиванию и сбору отдельных

сельскохозяйственных культур в земледельческой отрасли. Высокие показатели обеспечивали животноводы, прекрасно знающие технологию разведения лошадей, овец, крупного рогатого скота. Такие люди, во-первых, в сравнительно короткие сроки успешно адаптировались в «чужой» для них ранее среде, во-вторых, стали занимать достойное место и соответствующий социальный статус в обществе, в-третьих, они зарабатывали больше, чем остальные, что намного облегчало содержание семьи в трудных условиях военного и послевоенного времени. Благодаря труду, они постепенно стали людьми, заслуживающими уважения соседей, односельчан, коллег по производству. За высокие показатели их награждали ценными подарками. Наиболее активным из них присуждали государственные награды, включая ордена и медали.

После переселения выживанию семьи на начальном этапе особенно помогла также устойчиво сохранившаяся традиция, связанная с домашним промыслом. Речь идет о женском рукоделии. По рассказу собеседников у карачаевцев не было женщины, которая бы не умела вязать. В момент выселения, многие женщины не растерялись и захватили с собой шерсть. После того как они были обработаны и использованы, сырье находили уже на местах расселения. Вязанную теплую одежду, носки и другие вещи обменивали на продукты питания. По признанию некоторых информаторов, вязание в буквальном смысле спасло многие семьи от голода. Через изготовленные рукодельные вещи, навыки ремесленничества они естественным образом входили в контакт с многими местными людьми. Знакомились, узнавали о жизни, обычаях друг друга все больше и больше.

Спецпереселенцы карачаевцы, проживающие в Таласской долине, находились в определенном смысле в обособленном положении. В условиях существования порядка лимитирующего передвижения, им не просто было выезжать в Чуйскую долину и поддерживать регулярные связи с другими карачаевцами. К тому же сравнительная удаленность, разделение горами, слабые транспортные связи значительно ограничивали возможности всего населения, а не только депортированных.

Таласская долина, где происходило немало важных исторических событий в древности, средние века и новое время в середине XX века, стала более поликультурным обществом, где жили кыргызы, русские, немцы, карачаевцы, турки и др. Локальной особенностью этнокультурного взаимодействия на Таласе можно было бы считать сравнительно большую степень ассимиляции с местным населением, которая проявляется в социальных отношениях и культурных мероприятиях.

Центральные и республиканские государственные органы не оставляли в стороне работу по привлечению детей школьного возраста сосланных народов в образовательный процесс. Согласно распоряжению Совнаркома СССР №13287-рс обучение детей чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар, переселенных в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР, должно было производиться на русском языке в существующих начальных школах по месту жительства.[51] В республике велся учет беспризорных и безнадзорных детей спецпереселенцев. Их определяли в детские дома, передавали на воспитание родственникам. Часть из них находилась в колхозах под наблюдением спецкомендатур, а также в детских трудовых, воспитательных колониях НКВД.

Дети школьного возраста и студенты, обучающиеся вместе с носителями других культур, открывали для себя много нового. Однако процесс вовлечения детей карачаевцев, также как и детей других ссыльных народов происходил не гладко. Многие дети оставались не втянутыми в обучение в школах

по разным мотивам, к числу которых относятся такие объективные причины как болезнь, недостаток одежды и др. Документы из архивных фондов также говорят о незаинтересованности отдельных родителей давать образование своим детям. В постановлении Бюро ЦК КП(б) Киргизии «О работе среди спецпереселенцев» отмечалось: «Религиозный фанатизм и феодально-родовые пережитки проявляются в том, что многие родители-спецпоселенцы не пускают своих детей в школы, главным образом девочек; препятствуют общению спецпоселенческой молодежи с русской, киргизской, узбекской молодежью, запрещают посещать культурно-просветительные учреждения».[52] В отличие от детей, не посещающих школу, у учащихся лучше формировались взгляды на мир, они стремились открывать для себя новое с помощью учителей. В процессе учебно-воспитательного процесса, кроме прочего, они хорошо осваивали историю и культуру края, где сами живут, формировали положительные личностные качества. Знакомство с культурой других народов способствовало формированию толерантного и уважительного отношения карачайских детей к многообразию, относительно быстрой интегрирации в многонациональные коллективы. В контексте этого, М.Мартынова пишет: «За долгие годы существования в единном государственном и этнокультурном пространстве у жителей страны выработалась общность многих черт характера и поведения. … Живя вместе, представители разных народов все больше становятся похожими друг на друга. И порой продуктивнее не абсолютизировать культурные различия, а двигаться в направлении признания схожести многих черт повседневной жизни».[53]

VI. ИЗ ОПЫТА ИНТЕГРАЦИИ ОСТАВШИХСЯ КАРАЧАЕВЦЕВ В КЫРГЫЗСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

В 1957 г. депортированным народам было официально разрешено вернуться на историческую родину, чем воспользовались подавляющее большинство карачаевцев. В Кыргызстане остались те, кто успешно вписался в местную жизнь. К их числу следует отнести тех, у кого здесь похоронены близкие, поскольку кавказцы свято чтят могилы родственников. Они продолжали жить и трудиться в колхозах, промышленных предприятиях, сфере обслуживания, учебных заведениях. Связавшие дальнейшую стратегию жизни своих семей с Кыргызстаном уже не стали часто оглядываться на Северный Кавказ, как это происходило с абсолютным большинством ссыльных на протяжении первых 10-15 лет. Они с большой охотой обучали своих детей в школах. Многие выпускники средних школ поступали в средне-специальные и высшие учебные заведения республики, а также университеты и институты Москвы, Ленинграда и других городов бывшего Советского Союза. Постепенно стало расти количество карачаевцев, проживающих в городе Фрунзе, и других урбанизированных населенных пунктах.

Процесс интеграции в местную систему был характерен для карачаевцев, которые не стали покидать Кыргызстан во второй половине 1950-х годов. После того, как основная масса ссыльных уехала на историческую родину, оставшиеся должны были укрепить и расширить социальные связи с местным населением. У них к этому времени уже имелись установленные неплохие контакты с соседями и односельчанами. Благодаря

трудолюбию, профессионализму, положительным человеческим качествам, такие как толерантность, отзывчивость, добродушие немало переселенцев завоевали авторитет в производственных коллективах. Все это служило заметным капиталом карачаевцев в качественном улучшении кадрового потенциала, повышении их социального статуса в кыргызском обществе.

Дисперсно расселенные карачаевцы были инкорпорированы отдельными местными кыргызскими родами. Чтобы не оказаться в стороне от дел местного сообщества они поддерживали социальные отношение с соседями, которые стали для них как родственники. Так, например, в селе Кырк-Казык Таласского района карачаевские семьи активно участвуют в различных обрядах и праздниках, траурных ритуалах, делают подарки, дают фиксированную сумму в рамках коллективной взаимопомощи. В свою очередь они сами получают дары и помощь по указанным выше поводам. Дети таких семей не имеют проблем с гражданской идентичностью. Перед ними не стоит озадачивающая дихотомия выбора. Очевидно, с ними процесс ассимиляции происходит естественным образом. Возможно, специфичность культурной ассимиляции связана с характером расселения, где дисперсно расселенным семьям приходится быть включенными в общественную жизнь местных сообществ.

Каждый член карачаевской общины чувствовал покровительство со стороны своих сородичей, что говорит о существенном значении системы родственного патронажа. Участник Великой отечественной войны, инвалид Юсуп, женатый на кыргызке, после того, как почти все его родственники уехали в Теберду остался и продолжал жить в селе Ударник. И в такое время к нему приходили соплеменники из других населенных пунктов. Целью таких визитов было поздороваться с семьей этого человека и помоч по хозяйству. Его дочка Фатима Байрамкулова (2016) во время беседы с автором 19 июля рассказывала, как часто приходили к ним домой молодые парни из Жаны-Жер Чуйской области. Эти ребята таскали воду, ухаживали за скотом, рубили дрова, выполняли другие работы. Не понимавшая сути дела дочка спрашивала их, почему они здесь находятся, нет ли у них дома. Повзрослев она поняла, что этих парней отправляла бабушка Таумарал для оказания помощи Юсупу, теперь уже жившего со своей семьей не в составе большой карачаевской общины, как раньше. Здесь мы видим солидарность, проявленную в силу развитости коллективного сознания у представителей старшего поколения. Они хорошо понимали значение морально-психологической поддержки в такие периоды.

Еще до середины 1950-х годов в республике проводились определенные пропагандистские работы, направленные на то, чтобы переселенцы оставались жить и трудиться в Кыргызстане. В докладной записке начальника управления МВД по Фрунзенской области во Фрунзенский обком КП Киргизии о реакции спецпереселенцев на снятие с них некоторых ограничений читаем следующее: «Спецпоселенец – карачаевец, житель города Фрунзе Алиев Умар, член КПСС, доцент Киргосуниверситета, в беседе с окружающими рассказал, что снятый с учета спецпоселенец Кубанов выехал нынче на Кавказ и имел намерение остаться там на постоянное место жительства, но посмотрев на Кавказ не только сам не остался, но и привез в Киргизию своего брата по мотивам того, что экономически в Киргизии жить значительно лучше, чем на Кавказе». Далее У.Алиев заявил «Спецпоселенцы экономически живут в Киргизии значительно лучше, чем жили на Кавказе, но плохо то, что наша карачаевская национальность не имеет права на существование как нация».[54] В контексте этого материала отметим, что отдельные люди все же сожалели о принятом решении покинуть республику.

Из числа карачаевской общины появились яркие личности, руководители хозяйств и предприятий. Особенности жизненного пути таких людей отчетливо свидетельствуют о том, что они, их родные и близкие поступали в свое время верно, связав будущее с Кыргызстаном. Они показали свои способности и желание внести достойный вклад в развитие экономики, культуры, науки республики. Широкое признание, как на местном, так и республиканском уровнях им обеспечили несколько факторов, к которым следует отнести образованность, профессиональное отношение к своим обязанностям, толерантность, умение успешно включаться в жизнь коллективов. Немаловажным фактором можно считать уважительное отношение к традициям народа и принявшей страны. Со времени переселения в Кыргызстан, карачаевцы дали республике умелых руководителей среднего и высшего звена в колхозах и совхозах, предприятиях, компетентных народных депутатов от местного уровня до Жогорку Кенеша, активно работающих государственных служащих. Уважаемые хозяйственники, ученые, политики, большую часть которых общество воспринимает в качестве общественных деятелей, по существу стали достоянием республики. К ним можно отнести, в частности, политического и общественного деятеля Б.Х.Гогаева, крупного ученого математика А.Боташова, который был избран членом-корреспондентом НАН КР, известного ученого и педагога Б.Х.Кубаева, который внес солидный вклад в развитие высшего образования в республике, руководителя преуспевающего фермерского хозяйства по разведению спортивных лошадей М.Каракотова, президента Кыргызского союза пчеловодов К.Каракетова, президента Международной ассоциации «Ата-Джурт» З.Х-М.Шидакову, экс-депутата республиканского парламента Э. Кочкарову, животноводов, внедривших передовые опыты, Т.Семенова, А.Солпагарова и других.

Одновременно следует отметить, что продолжающие жить в Кыргызстане карачаевцы никогда не забывали свою историческую родину, с которой поддерживали связи. Граждане республики ездили на Северный Кавказ к родственникам в связи с проведением семейных праздников и ритуалов. Бывали случаи, когда летели туда для проведения отпусков. По признанию некоторых информаторов, проводили также своеобразную рекогносцировку, чтобы изучить вопрос возможного переезда на постоянное место жительства. В свою очередь, сами принимали гостей из Карачаево-Черкесии. Письма и телефонные звонки являлись средствами коммуникации. В 1970-е годы функционировал авиарейс по маршруту Фрунзе – Минеральные Воды – Фрунзе стоимостью билета 52 рубля. Зайнеп Аджиева с 1950 года рождения (2016) в ходе интервью 4 августа сообщила, что первый раз была на Северном Кавказе в 1975 г. Через 40 лет ездила на свадьбу племянника. Находилась там в течении месяца. Ее встретили те, кто отсюда уехали очень хорошо. 83-летний Рамазан Узденов (2016) рассказал автору 5 августа, о том, что был на Кавказе после армии, затем в 1971 г. Таким образом, государство создавало определенные условия для поддержки связи кыргызстанцев с Кавказом.

VII. СОВРЕМЕННОСТЬ. ЛОКАЛЬНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Распад Советского Союза застал врасплох многих простых граждан. На повестку дня был поставлен вопрос о политической идентификации. Совершенно естественным выглядела такая картина, где одни чувствовали себя заброшенными и обманутыми. Они считали, что в одночасье

превратились в чужаков, тогда как другие радовались обретению суверенитета и появлению на карте мира нового государства, признанного международным сообществом.

В условиях экономического кризиса с большим удельным весом безработицы многие стали мигрировать в поисках работы с достойной оплатой труда. Если одни выезжали на время как сезонные работники, другие решили отправиться на историческую родину для постоянного места жительства. При этом естественно они рассчитывали, что там они могут жить лучше, чем в стране, где их соотечественники нашли приют с 1943 года. В числе таких репатриантов имеются и представители карачаевского народа. Приведем численный состав карачаевцев Кыргызстана для того, чтобы представить динамику. Согласно переписи 1989 г. всего в республике проживало 2509 карачаевцев, количество которых снизилось к переписи 1999 г. на 330 человек и составило 2179 человек. В 2015 г. в республике насчитывалось всего 1722 карачаевца. По признанию отдельных информаторов, не все покинувшие Кыргызстан успешно устроились так, как они надеялись. Как и здесь, на исторической родине не все могут устроиться на стабильную работу. Структура экономики на Северном Кавказе не относилась к числу привлекательных для трудовых мигрантов, а также не была рассчитана на прием соотечественников из-за рубежа. В 1990-е годы «самостоятельной» в каждой северо-кавказской республике оставалась огородная экономика, где основная часть дохода семей поступает из приусадебного участка и обработки небольших участков. Она была основана на ручном труде горцев. Многие молодые люди продолжали традиции отходничества.[55]

В самом же Кыргызстане карачаевцы ныне занимаются разными видами трудовой деятельности. У них имеются свои земельные наделы, где они выращивают сельскохозяйственные культуры, почти все сельские семьи разводят скот. Их представители оказывают транспортные услуги, занимаются предпринимательством. В обществе известны имена государственных служащих, политических и общественных деятелей.

Повседневная жизнь в селах, кварталах, местных сообществах наиболее четко отражает характер взаимоотношений представителей разных культур. Здесь мы можем найти ответы на вопросы, связанные с процессами интеграции или дезинтеграции. Соседям, всей общине нередко приходится проводить полезное для всех обсуждение проблем, касающихся улучшения их благополучия. Они могут приглашать друг друга на общественные трапезы по поводу семейных торжеств, праздников и ритуалов, занимают друг у друга деньги, скот, фураж и др. Обсуждают экономические и политические вопросы. Такую картину можно видеть, к примеру, в селах Маловодное, Орловка, Садовое, где карачаевская община давно нашла общий язык с кыргызами, узбеками, русскими, украинцами, дунганами. Встречается межэтнические браки. Так, Юсуф, к примеру, был женат на кыргызке Жийдебүбү, которая заботливо относилась ко всем карачаевцам, с кем семья поддерживала связь. Их дочь Фатима (2016) услышала очень много теплых слов о матери от карачаевцев, когда она была в Карачаево-Черкесии в 2010 г. о чем рассказала автору 21 июля. Зейнеп (2016) которая была замужем за дунганином, работала в свекловодстве, где было много русских говорила в ходе нашего разговора 6 августа. Вместе кушали, у нее были близкие подруги, с одной из них она и ныне поддерживает прочную связь. Они воспринимаются всеми как органическая составная часть местных сообществ. После распада Советского Союза встречались случаи, когда кыргызы позволяли себя указывать представителям славянского населения, выходцам из Кавказа на их родину. Однако такие случаи имели спорадический характер и допускались

преимущественно маргинальными лицами в моменты, когда они находились в нетрезвом состоянии. В кыргызском обществе такие негативные явления всегда резко осуждались. Даже националистически настроенные люди не говорили и не призывали, чтобы они уехали из республики. А в государственной политике весь ее многонациональный народ считался главным богатством страны. Об этом свидетельствует деятельность Ассамблеи, которая была создана по инициативе национально-культурных центров в 1993 г. при поддержке руководства страны.[56] Она продолжает выполнять значимую роль в укреплении межнационального согласия в республике.

Проведение общественных мероприятий, семейных и календарных обрядов и празднеств выполняют важную социальную функцию, где участники чувствуют себя как в одном коллективе, общине, демонстрируют свое эмоциональное состояние. Будучи жителями одного квартала, села, приглашенные радуются счастливым событиям, разделяют горечи утраты. По поводу праздничных обрядов жизненного цикла (рождение ребенка, свадьба и т.д.) друг другу ходят с подарками. Почти повсеместно существует коллективная взаимопомощь между всеми семьями деревни в связи с потерей близкого родственника каждой семьей. Здесь не различают по этническому признаку. На похороны всегда ходили все, поскольку считали, что бросать горсть земли в могилу – святой долг человека. Такая традиция продолжается и в наши дни. Навсегда связавшие свою судьбу с Кыргызстаном представители карачаевской диаспоры проявляют активность для того, чтобы занимать достойное место в обществе этого центрально азиатского государства, ставшего для них второй родиной. Впрочем, немалое количество молодого поколения имеют очень слабое, туманное представление о родине своих предков и не горят желанием ехать туда, где надо будет еще привыкать, начинать многие дела сначала.

Для Надежды Тилмековой (2016) как она призналась автору 6 августа, село Садовое очень дорог. Она недвусмысленно заявляет, что Кыргызстан – ее родина. Об этом она сказала открыто, когда была в Карачаево-Черкесии. Ее сюда больше тянет, здесь находятся могилы матери, отца, сына. Я за Кыргызстан болею больше, чем за Россию, думаю, что будет лучше. Мы все на одних правах. Главное трудиться.

Другие информаторы Ахмад Далаев, Леоза Узденова (2016) во время беседы с автором 4 и 7 августа сообщили что, считают Кыргызстан второй родиной. При этом районы, где они проживают, воспринимают в качестве малой родины. Групповая солидарность и чувство связи с родиной предков являются одной из значимых характерных черт карачаевской диаспоры. Поддержка, взаимовыручка особенно отчетливо проявляются в дни постигшего несчастья, связанного с кончиной человека, других неприятных для семьи ситуаций. Богатые карачаевцы помогают малообеспеченным людям, дают деньги, скот.

Карачаевская община в Кыргызстане не замыкается только на своих проблемах. Их отдельные представители и вся диаспора в лице международной ассоциации «Ата-Джурт» вносят вклад в социально-экономическое, культурное развитие республики. Важными направлениями деятельности ассоциации стали социальная поддержка детских домов и приютов, активное участие в сохранении межэтнического согласия.

Ассоциация считает своим долгом привить молодежи идеи и чистые помыслы добрыми делами, славить Кыргызстан, где они родились и выросли, где в годы депортации их отцы и деды нашли приют, сочувствие, понимание и великодушие, где их народ в дни лихолетья познал цену радужного гостеприимства.[57]

VIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, депортированные в годы Великой Отечественной войны карачаевцы стали одними из тех, кто внес разнообразие в этническую картину Кыргызстана. Несмотря на «политическую реабилитацию» и возможность вернуться на свою историческую родину, часть из них остались в республике, связь с которой трудно было разорвать. Находясь вдали от Северного Кавказа в окружении других народов в течение семи десятилетий, они не утеряли свою самобытную культуру. Моральная, материальная и другие виды взаимопомощи, кодекс чести «Озден адет» имели большую значимость в адаптации и интеграции депортированных семей, общин и их потомков на новом пространстве, где и ныне живут и трудятся многие представители этого народа несмотря на имеющуюся сейчас возможность вернуться на историческую родину. Многие элементы культуры этого народа оказались устойчивыми, что обусловлено в значительной степени реальным функционированием социальных институтов с многовековыми традициями.

Адаптация к новой для переселенцев социальной и географической среде не проходила гладко, в условиях, когда все население республики испытывало жизненные трудности, а переселенцы карачаевцы вдобавок чувствовали себя ущемленными в результате психологической травмы. Однако, им удалось достойно исправиться с судьбой и активно включиться в социально-экономическую, культурную, политическую жизнь республики. В наши дни карачаевцы, несмотря на относительную малочисленность, являются активной, динамичной частью поликультурного Кыргызстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Карачаевцы (*къарачайлыла*) – коренное население Карачаево-Черкесии, происхождение которых связано с древними аланами, тюрками-кипчаками, местным кавказским населением. Относятся к тюркоязычным народам Северного Кавказа

[2] Д. Кызаева, Т.Д. Доценко, С.И. Бегалиев (1995), «Архивные документы свидетельствуют» (Бишкек: Фирма «Айбек»), С. 12.

[3] Ш. Батырбаева (2003), «Население Кыргызстана в 20-50-е годы XX века» (Бишкек: Кыргызский национальный университет) и Ш. Батырбаева (2010) «Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении» (Москва: РОССПЭН)

[4] Кызаева, Доценко, Бегалиев (1995).

[5] С. Бегалиев, Ж. Сулайманов (2012), «Депортированные народы Кавказа в Кыргызстане. Размышления «по рельсам судьбы»» (Бишкек: «Турар»)

[6] Л. Дяченко (2010), «Из истории депортированных народов Кавказа в Кыргызстан» (Бишкек: ОсОО «Нео-Принт») и Л. Дяченко (2013), «Депортированные народы на территории Кыргызстана» (Бишкек: ОсОО «Нео-Принт»)

[7] В.М. Плоских и М.К. Имакеева (2010), «Депортированные народы Кавказа в Кыргызстане» (Бишкек: ОсОО «Нео-Принт»)

[8] Считаю долгом выразить искреннюю признательность Глобальному центру плюрализма за предоставление возможности провести исследование по указанной проблеме. Слова благодарности хотел бы направить моему ментору профессору Чолпон Турдалиевой за её регулярные советы, высказанные замечания и предложения в процессе написания статьи.

[9] Э. Дюркгейм (1990), «О разделении общественного труда. Метод социологии», перевод А.Б. Гофмана (Москва: «Наука»)

[10] И. Валлерстайн (2003), «Конец знакомого мира: Социология XXI века» (Москва: «Логос»)

[11] У. Сафран (1991), «Диаспоры в современных обществах: мифы о родине и возвращении» [Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return], *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, University of Toronto Press. Том 1, №1, с. 83-99); В. Тишков (2000), «Исторический феномен диаспоры», Этнографическое обозрение, №2. С. 43-63)

[12] Б.Х.Гогаев (1939-2006) – видный общественно-политический деятель. Был избран депутатом Верховного Совета Киргизской ССР и Законодательного собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. Был Председателем ассоциации карачаевцев «Ата-Джурт», помимо государственных наград, был признан лауреатом премии международной ассоциации «Руханият» «За мир и согласие между народами». Б.Х.Кубаев – известный общественный деятель, педагог-ученый экономист. Внес заметный вклад в развитие сектора образования в высших учебных заведениях. Работал заместителем министра образования и науки в течении нескольких лет в 2010-е годы. Ныне возглавляет созданный по его инициативе вуз в Бишкеке. А-А.И.Боташов (1937-1995) известный ученый, доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии наук Киргизской ССР, специалист в области дифференциальных уравнений, нелинейного локального анализа. З. Х-М. Шидакова – общественный деятель, нынешний Президент международной ассоциации карачаевцев «Ата-Джурт», заместитель председателя Ассамблеи народа Кыргызстана.

[13] Ayhan Caya (2005), «Cultural reification in circassian diaspora: stereotypes, prejudices and ethnic relations», *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 31, No. 1, January, pp. 129-149.

[14] Фатима Борлакова (2009), «Карачаевско-балкарская диаспора в США», *Научные проблемы гуманитарных исследований*, №15. С.11.

[15] Анастасия Ганич (2001), «Национально-культурные объединения черкесов в Сирии, Иордании и США», *Диаспоры*, № 1. С.206.

[16] Валерий Тишков (2000), «Исторический феномен диаспоры», *Этнографическое обозрение*, №2. С.54.

[17] Джамал Рахаев (2014), «Вторая мировая война и депортация в культурной памяти карачаевцев и балкарцев», *Caucasus Survey*, Vol 1. No 2. April. p. 8.

[18] Чолпон Турдалиева, Айжамал Марат (2015), «Диаспора памирских кыргызов в Турции», *Этнографическое обозрение*, №3. С. 136.

[19] Роджерс Брубейкер (2000), ««Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношение с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России)», *Диаспоры*, №3. С. 9.

[20] Динара Кызаева и др. (1995), *Архивные документы свидетельствуют*, Бишкек, Фирма «Айбек», С.88-89.

[21] Людмила Павлович (9 декабря 2009), «Операция репатриация», *Слово Кыргызстана*.

[22] Валерий Тишков (2000), «Исторический феномен диаспоры», *Этнографическое обозрение*, №2. С.43.

[23] Борис Гогаев (1998), «Мы карачаевцы», *Литературный Киргизстан*, Бишкек, С. 121.

[24] Борис Кубаев (2013), *Карачаевцы*, Бишкек, «Имак-Офсет», С.72

[25] Джамал Рахаев (2014), «Вторая мировая война и депортация в культурной памяти карачаевцев и балкарцев», *Caucasus Survey*, Vol 1. No 2. p. 19-46.

[26] Г. Новикова (30 ноября 2007), «Тянь-Шань и Казбек сроднились на век», Вечерний Бишкек.

[27] Александр Шепеленко (2 октября, 2009) «История, которую хранит сердце», Слово Кыргызстан.

[28] Джамал Рахаев (2014), Власть, историографическое сообщество и социальная память о депортации: опыт преодоления прошлого в балкарской и карачаевской историографии, *Caucasus Survey*, Vol 2. No 1-2. P. 15.

[29] Джамал Рахаев (2014), Вторая мировая война и депортация в культурной памяти карачаевцев и балкарцев, *Caucasus Survey*, Vol 1. No 2. 2014. p. 56-57)

[30] Центральный государственный архив Кыргызской Республики, Фонд 350. Опись 17 с. Дело 76. Лист 139.

[31] Центральный государственный архив Кыргызской Республики, Фонд. 350. Опись 17с. Дело 92. Лист 296-297.

[32] Центральный государственный архив Кыргызской Республики, Фонд 1811. Лист 27.

[33] Центральный государственный архив Кыргызской Республики, Фонд 1811. Лист 27.

[34] Центральный государственный архив Кыргызской Республики, Фонд 1811. Лист 27а.

[35] Центральный государственный архив Политической документации Кыргызской Республики, Фонд 406. Опись 2. Дело 198. Лист 39-42.

[36] Центральный государственный архив Кыргызской Республики, 1642. Оп. 11. Д. 2130.

[37] Отв. ред. Владимир Плоских (2010), *Депортированные народы Кавказа в Кыргызскую Республику. Сборник документов и материалов, Бишкек*, ОсОО «Нео-Принт» С. 85-86.

[38] Отв. ред. Владимир Плоских (2010), *Депортированные народы Кавказа в Кыргызскую Республику. Сборник документов и материалов, Бишкек*, ОсОО «Нео-Принт», С. 141, 145.

[39] Центральный государственный архив Политической документации Кыргызской Республики, Фонд 406. Опись 2. Дело 154. Лист 29-32.

[40] Центральный государственный архив Кыргызской Республики, Фонд 1811. Лист 27а.

[41] Алан Кубатиев (1989) «Народы Северного Кавказа», *Литературный Киргизстан*. 1989. №4. С.92-101.

[42] Абдыш Кубадаев (19 марта 1993), «Энени, тууган жерди ким сагынбайт», *Эркин-Too*.

[43] Мудур Усманов (1989) «Депортация», *Литературный Киргизстан*, №2. С.100.

[44] Я. Карачайлы (1998) «Память о «черном ноябре» », *Вечерний Бишкек*, 30 ноября 1998 г.

[45] Борис Кубаев (2013), *Карачаевцы,* Бишкек, «Имак-Офсет», С. 64-65.

[46] Мудур Усманов (1989) «Депортация», *Литературный Киргизстан*, №2. С.100.

[47] Отв. ред. Леонид Лавров (1978), Карачаевцы, Черкесск, Карачаево-черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, С. 198, 234.

[48] см. Лидия Дьяченко (2013), *Депортированные народы на территории Кыргызстана: проблемы адаптации и реабилитации*, Бишкек, ОсОО «Нео-Принт», С.206.

[49] Орозбек Сагынбаев (22 ноября 1994), «Народы не падают с неба», *Слово Кыргызстана*.

[50] Сувакун Бегалиев, Жолдош Сулайманов (2012) *Депортированные народы Кавказа в Кыргызстане. Размышления «по рельсам судьбы»*, Бишкек, «Турар», С. 31-32.

[51] Центральный государственный архив Кыргызской Республики, Фонд 350. Опись 17. Дело 157. Лист 196.

[52] Центральный государственный архив Политической документации Кыргызской Республики, Фонд 56. Опись 4. Дело 825. Лист 143-146.

[53] Марина Мартынова (2013), «Школьное образование и идентичность: отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества», *Исследование по прикладной и неотложной этнологии*, № 234. Москва, С.17.

[54] Центральный государственный архив Политической документации Кыргызской Республики, Фонд 406. Опись 2. Дело 313. Лист 82-86.

[55] Сергей Поляков, Валентин Бушков (1997), Социально-экономическая ситуация в Северо-Кавказском регионе, *Исследование по прикладной и неотложной этнологии*, № 108. Москва, С. 10.

[56] Абылабек Асанканов (1997), *Кыргызы: рост национального самосознания*, Бишкек, «Мурас».

[57] Зухра Шидакова (2013), *Карачаевцы Кыргызстана: история и современность.* Бишкек, «Алтын-Принт», С. 82.

АВТОР

Амантур Жапаров - Ведущий научный сотрудник Отдела этнологии Института истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики в г. Бишкек, Кыргызстан.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Центр с большой признательностью выражает благодарность членам международного консультативного комитета данного проекта: Гульнаре Айтпаевой (Культурно-исследовательский центр «Айгине», Бишкек, Кыргызстан), Моргану Лью (Университет штата Огайо, Колумбус, США), Бенджамину Лорингу (Фонд Виктора Пинчука, Киев, Украина) и Джеффу Сахадео (Карлтонский университет, Оттава, Канада).

Основанный Его Высочеством Ага Ханом, в партнерстве с Правительством Канады, **Глобальный центр плюрализма** является международным исследовательским и образовательным центром, расположенным в г. Оттава, Канада. Вдохновленный опытом Канады, как страной многообразия и инклюзивности, Центр был создан с целью понимания динамики плюрализма и продвижения позитивных мер в ответ на вызовы, стоящие перед возможностью жить мирно и вместе вести продуктивную деятельность в условиях многообразного общества. Плюрализм определяется как позитивный ответ на многообразие, основанное на взаимоуважении.